Текст · 20 августа 2025, 12:29
Елизавета Нестерова,

«Если отвечал не так, как нужно, получал разряд». Рассказы церковнослужителей, которых обвиняют в покушении на «духовника Путина»

В конце февраля ФСБ отчиталась об аресте выпускников Сретенской духовной академии по делу о приготовлении к теракту[1] и хранении взрывчатки[2] — якобы по заданию украинских спецслужб церковнослужители Никита Иванкович и Денис Попович готовили убийство митрополита Симферопольского и Крымского Тихона Шевкунова, которого называют «духовником Путина».

По версии следствия, обвиняемые спрятали в тайнике в Терлецком парке взрывчатку и поддельные документы, выданные им украинскими спецслужбами. «Новая газета» писала, что происхождение этих документов можно проследить через интернет — они не принадлежат арестованным, в них просто вклеены их фото, и это — внутренние паспорта, с которыми скрыться невозможно.

Защита в суде настаивала, что «тайником» следствие назвало небольшую ямку глубиной 30 сантиметров, с трудом выкопанную в промерзлой на полтора метра в глубину земле и прикрытую листьями, а задержанные церковнослужители подтвердили эту версию на камеру только под давлением оперативников.

Сегодня Московский городской суд в очередной раз отказался отпустить из СИЗО под более мягкую меру

пресечения Никиту Иванковича и Дениса Поповича. В суде оба рассказали о том, что во время обыска им подбросили «вещественные доказательства», а перед допросом пытали током. «Медиазона» публикует дословные расшифровки этих рассказов.

1. Статья 205 УК.

2. Статья 222.1 УК.

Клирик Никита Иванкович

Наверное, у каждого человека в жизни бывают такие моменты, когда жизнь разворачивается на 180 градусов. И вот в моей жизни таким днем было 12 февраля этого года, когда рано утром я собирался на работу в храм, где, собственно, и работаю, и услышал стук в свою входную дверь и открыл ее.

Вошедшие представились мне сотрудниками оперативной службы и предъявили постановление об обыске. И стали проводить обыск в моей квартире. Я был положен, в соответствии с порядком, лицом на пол. На меня были надеты наручники. Я не знал, что послужило причиной таких действий, этих мероприятий.

Однако в процессе обыска у меня были найдены некоторые странные предметы: лопата, лежащая под подушкой, вместе с ней лежащий телефон. Оба предмета я видел впервые, и на вопросы мне, что это такое, я точно так же с вопросительным выражением лица и с недоумением смотрел и не мог ответить.

После проведения данных мероприятий меня вывели из дома, и мы направились в некоторое место. Я не знал, куда мы направляемся, но по прибытии я понял, что мы находимся в одном из лесопарков, находящихся не так далеко от моего дома. Там мне на видном месте был продемонстрирован некий контейнер, находящийся в углублении, под кустом. Стоит отметить, что это зима. Вот и на таком расчищенном месте стоял контейнер, в котором лежала пачка сока и конверт.

Клирик Никита Иванкович. Кадр: ЦОС ФСБ РФ / ТАСС

Много раз уже по телевизору показывали эти кадры с обвинением меня в особо тяжких преступлениях, с демонстрацией моего лица на всю страну. И это, конечно, тоже не может не расстраивать, потому что вина моя еще не доказана. И так вот голословно, можно сказать, обвинять человека на всю страну... Это, конечно, не очень приятно, но да ладно.

Повторюсь, я видел и эти предметы тоже впервые. Затем я все так же находился в непонимании, потому что никакие обвинения мне еще не предъявили. Затем меня провели в микроавтобус, на котором мы приехали, и начался допрос. Допрос начался сначала с вопросов оперативных сотрудников ко мне, на которые я не мог ответить, дать ни положительный, ни отрицательный ответ, потому что я не находился в контексте предъявляемых на тот момент мне обвинений.

Затем были произведены некоторые действия: меня положили лицом на пол микроавтобуса, на голову мою был одет мешок, глаза и нос были залеплены липкой лентой, скотчем, руки связаны — я уже не видел чем — и присоединены какие-то то ли прищепки, то ли какое-то техническое средство. Я не видел его, но скоро почувствовал, как это действует.

Далее вопросы продолжались, и уже предлагались нужные варианты ответов. И когда я пытался, согласно 51 статье Конституции, молчать и не свидетельствовать против себя, как-то хотя бы минимально защищать свою правду и свою невиновность, отвечал не так, как нужно, то получал разряд электрического тока.

У моей мамы и у меня наследственное заболевание сердца. Может быть, это не очень страшно и не очень сильно проявляется в обычной спокойной жизни, но на тот момент я почувствовал, что ритм биения пульса моего сердца кратно увеличился. У меня началась и паническая атака, и болевые ощущения от применяемых мне электрических разрядов.

И получилось такое, что встал вопрос, либо, руководствуясь инстинктом самосохранения, я даю якобы верные и нужные ответы, тем самым свидетельствую против себя, либо я получаю тяжелый вред здоровью, потому что неизвестно, сколько это могло продолжаться, и, возможно, даже и прощаюсь со своей жизнью. Поэтому я выбрал первое и дал те нужные показания, которые сейчас наверняка лежат перед вами.

В постановлении и ходатайстве следствия о заключении меня под стражу уже адвокатами и вами было упомянуто, что у меня отсутствуют стабильные социальные связи. 23 года своей жизни, с самого детства я нахожусь в церкви, в разных ролях помогаю, участвую в благотворительных, патриотических, просветительских, миссионерских и иных проектах, помогаю за службами.

Так как вся моя жизнь была в церкви, проходила в церкви, все это сформировало круг моего общения и социальные связи. Социальные связи с духовенством, которые для меня и друзья, и наставники. С прихожанами Русской Православной Церкви, в которой, собственно, я 23 года верой и правдой служил. Все эти люди меня знают, знают мой характер, мои хорошие и плохие стороны, как у каждого человека. Могут и свидетельствовать о том, что ни к чему тому, в чем меня обвиняют, я абсолютно не могу быть причастен.

Плюс к этому хочу отметить, что десять лет и даже более я потратил на богословское образование — сначала в семинарии под руководством владыки митрополита Крымского и Симферопольского Тихона, а затем в других учебных заведениях. И в научной, и образовательной среде у меня также есть добрые друзья и коллеги. Так что социальными связями я обладаю.

Также указывается о том, что я могу свои действия конспирировать, мешать следствию. Позвольте в связи с этим задать риторический, наверное, вопрос. Может ли человек, готовящийся к такому страшному злодеянию, которое мне вменяют, продолжать ходить

на работу, участвовать в юбилейных церковных мероприятиях, работать в храме, который, по сути, является публичным местом, где ты на виду, где ты общаешься с людьми? И плюс к тому, рано утром, в пять часов утра, незнакомым людям, без всяких противоречий, противодействия и так далее, открывать дверь своего жилища, впускать их без всяких вопросов, подавать свой компьютер, телефон и так далее? Мне кажется, ответ очевиден.

Я жил, к сожалению, не в полной семье, отца у меня не было. Жил я с мамой, меня мама воспитывала, за что ей большое спасибо. И вместе с этим я всегда искал какого-то человека, который мог бы мне заменить отца, мог бы заменить мне наставника и стать для меня авторитетом. Такие авторитеты в разные периоды своей жизни я находил среди духовенства, с которым непосредственно общался.

Вот в юности, в молодости моей студенческой, таким человеком стал митрополит Тихон Шевкунов, в покушении на жизнь которого меня обвиняют. Владыка Тихон — это человек, которому я, наверное, обязан многим, если не всем: своим существованием, своим положением, профессиональными какими-то способностями, своим образованием прежде всего, потому что именно благодаря его трудам была построена семинария, в которой я обучался, и были даны возможности как-то участвовать особо в церковной жизни.

От него я получил и полезные навыки бытовой жизни: как организовать свое время, как добиваться поставленных целей. И, конечно же, в духовной жизни, потому что этот человек — наследник

большого духовного опыта, и не учиться у него этому было бы большой ошибкой. И за все это я ему очень и очень благодарен. Для меня этот человек во многом в то время, да и сейчас, заменял отца, морального и духовного авторитета представлял.

И вот покушение на жизнь такого человека, который мне всем сердцем дорог — мне приписывают. Это я до сих пор не могу понять. И вообще убийство, месть, какое-то физическое и психологическое любое воздействие и насилие для человека, который исповедует христианство — недопустимо. Я не могу себя назвать абсолютно правоверным и добрым христианином. Конечно, все мы люди грешные, святых и праведных людей мало, но все мы стремимся к святости, и я как человек, исповедующий христианство, готовящийся к служению церкви, никогда даже и помыслить об этом не мог, не то что предпринять какие-то действия к участию, организации, подготовке и воплощению в жизнь таких злых, коварных и совершенно жутких планов, которые мне приписывают.

Я хочу сказать, что я обычный человек, потомственный москвич, патриот своего города и своей страны. И по-прежнему, хотя я нахожусь сейчас в заключении, вижу целью своей жизни служение Богу, служение людям. Собственно, большую часть своей жизни я этим занимался и старался как-то приносить пользу и Отечеству, и церкви, и окружающим меня людям.

И в связи с этим хочу отметить, что, хоть и говорят, что я не хочу содействовать, помогать следствию... хочу отметить, что наоборот, сейчас первостепенные

задачи для меня — это содействие и всяческая помощь следствию, чтобы установить правду. Правду в моем деле, правду в нашем деле.

Потому что установление правды — это, можно сказать, реабилитация меня и в глазах общества, и в глазах церкви, служителем, которой я до сих пор являюсь, и в глазах моих родных и друзей, и многих людей, которых я знаю.

Скрываться мне также негде, потому что место жительства у меня одно — та самая квартира, в которой меня задерживали. Находится она в соседстве с пунктом МВД. Я нахожусь постоянно под надзором. К слову, в этом отделе полиции я ни разу не бывал — к уголовной или к административной ответственности никогда не привлекался и закон Российской Федерации тем самым никогда не нарушал.

Поэтому присоединяюсь к ходатайству моего адвоката о том, чтобы изменить меру пресечения. И в заключение хочу передать привет моей маме и моей невесте. Я вас очень люблю и очень скучаю. Спасибо большое.

Денис Попович. Кадр: ЦОС ФСБ РФ / ТАСС

Бывший помощник митрополита Тихона Денис Попович

Ваша честь, уважаемый суд, благодарю за слово. Конечно, я поддерживаю [апелляционную] жалобу [защиты на продление ареста]. И в который раз хочу ответственно заявить о каком-то фарсе, произволе и театре абсурда, который происходит в настоящий момент с нами.

Я, как и ранее говорил, никогда ничего преступного не совершал, не имел никакого отношения к каким-либо спецслужбам, как это там приписали и, опять же, растиражировали, о чем уже сказал Никита. Я никогда не взаимодействовал ни с каким оружием и по своим жизненным, религиозным убеждениям являюсь противником любого насилия и нарушения закона. Я сам по себе далек от политики, ибо вижу свое жизненное призвание в служении Богу и также являюсь церковным служителем. [Для меня] такой максимум политический — обсуждение новостей вечером за обеденным столом.

Особенно же абсурдно звучат выдвинутые против меня обвинения — якобы я хотел покуситься на жизнь дорогого и действительно горячо любимого мной человека, представляющего для меня как духовного отца, так и отца во многих смыслах. С ним я проработал без малого десять лет. И на протяжении этого времени я был его доверенным лицом и со своей стороны, как мне кажется, верой и правдой, со всей ответственностью служил, помогал ему во всем. Скорее, даже можно сказать, что я жил его жизнью. И во всем старался быть преданным и верным ему.

За это время между нами установились крепкие, доверительные, отцовско-сыновьи отношения. И действительно, он, наверное, больше кого-либо

сделал для меня, многому научил, воспитывая, поддерживая, обучая, представляя возможности как-то развиваться, работать, участвовать в разных интересных проектах, направленных на церковную тематику, общественную тематику. Ну и, собственно, даже какие-то моменты с путешествиями и так далее — в моменты сопровождения его.

Во многом моя жизнь, мой успех, перспективы зависели именно от него. А сейчас из меня как-то пытаются сделать такого неблагодарного предателя, фактически, если кратко это сформулировать, отцеубийцу. Мне кажется, что здесь просто напрашивается вопрос: разве это не абсурд?

Кроме сказанного выше, я с самого детства был воспитан в монастыре, церкви и тогда же принял для себя решение посвятить всю свою жизнь служению Богу, его церкви, людям, быть в священническом сане. Символ этого для меня как церковного служителя, желающего стать священником, прежде всего даже просто как христианина — никакое насилие и никакие там действия такого характера не могут быть чем-либо оправданы, ну и являются по сути своей недопустимыми.

Не могу сказать и даже предположить, кем, для чего, зачем была придумана, спродюсирована эта страшная история, повлекшая за собой вот эти все страшные события, которые нам пришлось пройти. Но все доводы и якобы улики целиком и полностью являются подлогом и фальсификацией.

13 и 28 января меня незаконно задержали по надуманным обвинениям и подвергли

административному аресту каждый раз по 15 суток. Не объясняя причин, абсолютно вот эти обвинения административные были надуманы. А 12 февраля, после месяца пребывания в спецприемнике, прямо на территории этого первого спецприемника города Москвы, без объяснения причин или иных каких-то формальностей, меня вывезли неизвестные мне люди в масках, которые, судя по всему, имели отношение к силовым структурам.

Там, собственно, по какому-то такому сценарию, меня заковали в наручники, обездвижили, положили на пол, также надели черный мешок на голову, залепили скотч в голову, нос, ноги обездвижили, после чего присоединили провода, [правда] немножко их сбили. И, собственно, с помощью тока пытались… сначала, да, задавали вопросы, почему я хотел покуситься на митрополита Тихона.

Я объяснял, что это полный бред, что он представляется для меня отцом и так далее, но эти люди в какой-то момент начали объяснять мне правила игры. А правила игры таковы: или я отвечаю… То есть мне начали говорить: «Это не вопросы, а утверждения, поэтому у тебя ответ может быть только один».

Дальше предлагали варианты. Угрожали насильственными действиями сексуального характера, потом еще что-то, пытались всячески унизить. Ну и в конце концов даже угрожали условно называемой ликвидацией. И сказали: «Мы, если что, отписку сделаем, что ты попытался сбежать, поэтому…».

В общем, в конце концов, мне пригрозили так называемой ликвидацией — якобы я хотел от них сбежать и оказал противодействие, попытку к бегству. Ну и, конечно, угрожали и родным, близким. Таким образом, собственно, с помощью тока в течение часа меня крутили, надиктовали историю и вынудили записать видео с каким-то вот этим признанием, с историей, которую они мне рассказали о якобы планируемом преступлении, а также заставили оговорить себя на допросе. В мои личные вещи, которые я вез из спецприемника, подбросили неизвестный мне телефон. Эти же люди пригрозили большими экзекуциями в случае, если мы об этом расскажем.

Мне кажется, что такое могло быть только в прошлом веке, ну или ранее, но, казалось бы, в наше время такого не должно быть. Я и моя защита уже об этом с апреля этого года неоднократно, несмотря на какой-то страх и какие-то опасения, заявляли, говорили о выделении материалов для проверки по факту применения непозволительных методов — собственно, пыток и давления. Но следствием так и не были предприняты никакие действия, по крайней мере, мы не увидели.

Записанное с помощью пыток видео было растиражировано в социальных сетях и по телевидению. Нас конкретно обвинили, сказали, что мы пособники украинского режима и так далее. И таким образом мое имя, имя Никиты, было оболгано перед всей страной.

Ваша честь, хотя я и действительно являюсь гражданином Украины, это не является никаким

поводом воспринимать меня как врага по этому признаку. В России я проживаю с 2014 года.
За это время я обучался, закончил Российскую духовную академию, также получил историческое образование. И все эти годы проживал здесь, планировал здесь организовать свою жизнь. Здесь мое окружение, все мои друзья, все мои, по мнению следователя, несуществующие, но существующие по факту социальные связи, которых в любом другом месте нет.

В Украине я был последний раз четыре года назад и не планировал туда приезжать. Ни я, ни мои родные не имеют никакого отношения к вооруженным силам Украины или спецслужбам. Все эти годы я, как уже сказал, никуда не планировал уезжать и не планировал переезжать, организовывал свой быт, свою жизнь именно в России. Здесь у меня, собственно, все: мое служение, работа, друзья, родные, быт, да, собственно, вся моя жизнь, чего нету в любой иной стране.

Хотя я сейчас нахожусь под следствием, на скамье подсудимых, я хотел бы верить, что эта ситуация в итоге откроет правду и правда победит. И, как прежде, всем сердцем горю служением Богу. К нему устремляю свое сердце и всецело этому служению принадлежит мое сердце. В связи с тем, что мое имя было опорочено на всю страну, на весь мир, расследование дела и борьба за правду представляет для меня дело чести.

И со своей стороны я гарантирую, что при первой необходимости я готов по первому требованию появляться в необходимых следственных органах и

учреждениях. Каким-либо образом препятствовать следствию или что-то скрывать, не представляю возможным и не намереваюсь, никаких свидетелей по делу не знаю, не могу знать, да и какие свидетели могут быть по сфальсифицированному делу.

Касаемо бытовых вопросов, действительно, у меня есть только временная регистрация, ВНЖ[1] я получил только в декабре прошлого года, но был на пути к получению всех документов, поэтому могу только сказать, что в Сретенском монастыре, где я проживал ранее, где был зарегистрирован, по-прежнему за мной остается моя жилая площадь, где меня готовы принять и так далее в случае избрания иной меры пресечения.

Действительно, я официально не трудоустроен. Как я уже говорил, только в декабре я получил вид на жительство. Но имею достаточный доход для своего, так сказать, существования. Пожалуй, наверное, это все. Благодарю за внимание и прошу изменить меру пресечения. Спасибо.

Редактор: Дмитрий Трещанин

1. Вид на жительство в России.